

С. Карм, Т. И. Алыбина

**ПОЛЕВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И ВИЗУАЛЬНАЯ
ФИКСАЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБРЯДОВ
В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ КИНО-
И ВИДЕОАРХИВА ЭСТОНСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ)¹**

В статье описаны и проанализированы кино- и видеоматериалы, содержащие информацию о религиозных практиках финно-угорских народов в советский период. Рассматриваются условия и методы аудиовизуальной фиксации сакральных обрядов, а также построение взаимоотношений между исследователем и носителем традиции в поле. Основными источниками исследования являются архивные аудиовизуальные документы, созданные музейными сотрудниками в период с 1960-х до нач. 1990-х гг., и полевые записи участников финно-угорских экспедиций.

Ключевые слова: финно-угорские народы, религиозные обряды, аудиовизуальный архив, этнографический фильм, полевое исследование, Эстонский национальный музей.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-4-683-699

С 1960-х гг. одним из направлений деятельности Эстонского национального музея (далее ЭНМ) стала киносъемка этнографических объектов, традиционных трудовых процессов и ритуалов. По словам директора ЭНМ Алексея Петерсона (*Aleksei Peterson*, 1931–2017; директор с 1958 по 1992 гг.), интенсивному поиску новых материалов, связанных с разными вопросами этнографической науки, способствовала широко развернувшаяся в то время работа по составлению историко-этнографических атласов СССР²; классические методы сбора этнографических материалов (описание, фотографирование, зарисовки и т.п.) были дополнены производимой специально в интересах этнографии киносъемкой. Кроме ЭНМ, в это время кинокамерой стали пользоваться, например, сектор этнографии Института истории Академии наук Латвийской ССР, Государственный историко-этнографический музей Литовской ССР, Научно-

¹ Исследование подготовлено в рамках проекта «Soome-ugri dialoogid: Nõukogude Eesti etnograafid hõimurahvaid uurimas» (Финно-угорские диалоги: этнографические исследования эстонцев в советское время), поддержанного Программой родственных народов Министерства науки и образования Эстонской Республики (исследовательский грант №№ 843/884; 2019–2021).

² В основе историко-этнографических атласов лежало систематическое картографирование, отражающее географическое и историческое распределение важнейших элементов материальной и духовной культуры (например, орудий производства, средств передвижения, жилища, одежды, узоров и т.д.) и тем самым представляющее этническое взаимодействие и развитие народов [подробнее об атласах см. Брук, Рабинович 1964, Арутюнов 2011, 6–7]. В советские годы эстонские этнологи начинают принимать активное участие в региональных исследованиях: в 1952–1955 гг. – в составе этнографическо-антропологической экспедиции Института этнографии Академии наук СССР, позднее – в объединенной Балтийской комплексной экспедиции. Темы исследований этих экспедиций – «Этногенез народов Прибалтики по данным истории, антропологии и этнографии» и «Славянско-прибалтийско-финские связи», а также составление «Историко-этнографического атласа Прибалтики» [Astel 2009, 232–233; Konksi 2009, 274–275]. Наравне с вопросами этногенеза и культурных взаимодействий в рамках этих экспедиций большое внимание уделялось и исследованию предметной культуры.

исследовательский институт искусствоведения, этнографии и фольклора Академии наук Украинской ССР. Однако по разным причинам – финансовым и идеологическим – этот метод комплектования этнографических материалов в других музеях не получил достаточного развития и применения [Петерсон 1973, 1; 1983, 30]. При этом и для ЭНМ киносъемки в советское время были подпольным занятием, поскольку официального разрешения на использование кинокамеры и кинопроизводство у музея не было [Петерсон 1993; 2007, 111–112; Peterson 1975; 2005]; не имелось и штатной должности кинооператора, поэтому в музейных документах кинооператоры зачастую числились инженерами.

Кинокамера использовалась музеем не только в Эстонии, но и при выездах в комплексные экспедиции по финно-угорским регионам.³ Благодаря данной работе, в архиве ЭНМ имеется богатый этнографический кино- и видеоархив (ERM F – *filmiarhiiv*, ERM V – *videoarhiiv*), содержащий сюжеты по разным темам. Большой интерес представляют материалы по религиозной обрядовой культуре и традиционным молениям, запечатленные камерой в советский период. В советское атеистическое время не наблюдалось открытых гонений, связанных с проведением традиционных молений, и изучение мировоззренческих аспектов традиционной культуры разных этносов всячески поощрялось этнологической наукой. Наряду с основной задачей музейных экспедиций – изучение материальной культуры и сбор предметов быта «уходящей культуры» – для музейных сотрудников представляли также большой научный интерес вопросы духовности и религиозных обрядов финно-угорских народов.

В статье показано, какие фрагменты религиозных практик финно-угорских народов нашли отражение в музейном архиве и какие методы используются исследователями при фиксации разных обрядов. Рассмотрен важный аспект экспедиционной работы – построение взаимоотношений между этнологом и носителем традиции в поле, а также роль местного посредника при исследовании религиозных ритуалов с помощью видеосъемки. Основными источниками исследования являются кино- и видеоматериалы, созданные музейными сотрудниками в середине 1960-х – начале 1990-х гг., а также полевые дневники, воспоминания и публикации участников экспедиций.

Музейная кинематография Алексея Петерсона

История становления, развития и теоретические основы этнографического кино и аудиовизуальной антропологии в научной литературе освещены достаточно подробно [см., например, Форум 2007, Александров 2017, Niglas 2020], поэтому в данной статье лишь вскользь остановимся на характерных для ЭНМ аспектах методики этнографических киносъемок. Что касается истории российского этнографического кино и аудиовизуальной антропологии, обычно материалами для анализа являются фильмы 1920–1930-х гг. Кроме того, в контексте широкого распространения методов киноантропологии, которая предполагает «открытие (наблюдение, изучение) человека в культуре и культуры в человеке средствами кино» [Головнев А. 2007, 22], внимание исследователей привлекли фильмы, созданные в 1990-е гг. и позднее [см., например, Головнев А. 2009; Головнев И. 2016, 2020].

Основатели российских школ антропологического кино Евгений Александров (г. Москва) и Андрей Головнев (г. Екатеринбург) связывают истоки российской визуальной антропологии именно с Эстонией, с именами Леннарта Мери (*Lennart Georg Meri*, 1929–2006), Марка Соосара (*Mark-Toomas Soosaar*) и Пярнуским Фестивалем аудиовизуальной антропологии – первым на территории СССР [Александров 2007, 9; Головнев 2009]. Этнограф-кинодокументалист Марина Малахова уточняет, что просмотры фильмов этнографической тематики проводились в Москве еще в 1970-е гг., однако эти мероприятия не привлекли должного внимания ни кинематографических, ни научных кругов. Широкая пропаганда этнокино и международное сотрудничество в этой области развернулись после показа весной 1987 г. в Московском Доме кино

³ В эстонской традиции под финно-угорской этнографией подразумевается исследование культур родственных финно-угорских и самодийских народов, а не самих эстонцев.

фильмов Леннарта Мери «За северным ветром. Народ водоплавающей птицы» (1970), «Ветры Млечного пути» (1977), «Песни Калевы» (1985), и уже осенью 1987 г. в Пярну был организован I Международный фестиваль визуальной антропологии [Малахова 1991, 171]. Режиссер Марк Соосаар и писатель, режиссёр, а позднее – президент Эстонской Республики (1992–2001) Леннарт Мери были связаны с Эстонским телевидением и киностудией «Таллинн-фильм», и потому их работы в области документального кино получили признание широкой публики. Особенно популярна сегодня серия финно-угорских фильмов Леннарта Мери. Кроме названных выше работ, им также подготовлены фильмы «Сыновья Тоорума» (совместно с режиссером Энном Сяде, 1988–1989) и «Шаман» (1977/1997) [подробнее: Lennart Meri filmientsüklopeedia 2009; 2013].

В отличие от финно-угорских фильмов Л. Мери, этнографические фильмы и аудиовизуальный архив ЭНМ долгое время оставались малоизвестными. Кинопродукция ЭНМ привлекла внимание исследователей только в начале XXI в., прежде всего – в контексте проводимого под эгидой музея с 2004 г. Фестиваля мирового кино *Maailmafilm (Worldfilm)* в Тарту и в связи с выходом серии DVD «Эстонский этнографический фильм» [Eesti etnograafiline film, I–III; Runnel 2004; Toulouze 2004; Niglas, Toulouze 2010; Jääts 2011, 2015; Карм 2013; Simm 2013]. Еще в 1960–1970 гг. музейные работники осуществляли киносъёмки с целью фиксации традиционных занятий и исчезающих национальных обрядов в разных регионах Эстонии, совершали выезды и в вепские деревни Ленинградской и Вологодской областей. Так, были засняты (съёмка производилась камерой «Конвас») материалы, связанные с рыболовством, крестьянской архитектурой, сельскохозяйственными работами, рукоделием и промыслами [Петерсон 1973, 1–2; Peterson 1973, 31–32]. Позднее на основе разных сюжетов были смонтированы этнографические фильмы: «Подледный лов рыбы снастями в Аудру» (1964, науч. рук. Арвед Лутс, операторы Тойво Педак, Ильмар Кала), «Эстонская деревня на рубеже XIX–XX вв.» (1978, сценарий: Алексей Петерсон, Велло Оянурме, операторы Тойво Педак, Велло Оянурме)⁴, «Изготовление лодки-долбленки» (1980, науч. рук. Алексей Петерсон, Арвед Лутс, режиссер Аадо Линтроп, оператор Тойво Педак) и из отдельных фрагментов, отснятых в 1966–1980 гг. в Ленинградской и Вологодской областях – «Вепсы в начале XX в.» (1981, науч. рук. Алексей Петерсон, операторы Тойво Педак, Велло Оянурме, Аадо Линтроп)⁵ и др.

Богатый аудиовизуальный материал, в том числе и о религиозных обрядах, был собран ЭНМ в сотрудничестве с удмуртскими исследователями. В 1980-х гг. состоялось несколько специальных киноэкспедиций к удмуртам [Toulouze, Niglas 2009; Niglas, Toulouze 2010, 84–85; Jääts 2011; Карм 2013], и были созданы этнографические фильмы: «Южные удмурты в начале XX в.» (1983), «Религиозные обряды южных удмуртов в начале XX в.» (1983), «Северные удмурты в начале XX в.» (1995)⁶. Авторы трех фильмов – Алексей Петерсон и Серафима Лебедева, оператор – Аадо Линтроп.

Позднее география полевых этнографических исследований расширилась до территорий проживания народов Сибири и Таймыра, развивалось сотрудничество с местными музеями и культурными центрами. Таким образом, в 1960–1990 гг. в ЭНМ накопился богатый финно-угорский аудиовизуальный архив, в котором представлены как готовые фильмы и смонтированные тематические сюжеты, так и необработанные полевые кино- и видеоматериалы. Однако музейные фильмы в советское время показывали мало – лишь на специальных научных конгрессах или в качестве учебного материала ограниченному кругу зрителей. Так, фильм про подледный лов был представлен на VII Международном конгрессе антропологов и этнологов

⁴ В 2011 г. фильмы были изданы на DVD «Эстонский этнографический фильм I. Два фильма об эстонской этнографии. Алексей Петерсон – 80»; к эстонским текстам добавлены субтитры на русском и английском языках.

⁵ В 2015 г. изданы на DVD «Эстонский этнографический фильм III. Вепсы»; к русскоязычным текстам добавлены субтитры на эстонском, вепском и английском языках.

⁶ Научно-популярные фильмы, снятые в 1980–1981 и 1987–1988 гг. в сотрудничестве ЭНМ и НМУР, в 2013 г. вышли на DVD «Эстонский этнографический фильм II. Удмурты»; в ходе подготовки дисков к русскоязычным фильмам добавлены субтитры на эстонском, удмуртском и английском языках.

в Москве в 1964 г., фильм об изготовлении лодки-долбленки у вепсов и эстонцев – на V конгрессе финно-угроведов в Турку в 1980 г. Киномонографии про эстонскую деревню и вепскую культуру Алексей Петерсон в 1982 г. возил в Швецию, где они были показаны зарубежным эстонцам; один сеанс фильма состоялся и в музее *Nordiska Museet* в Стокгольме [Peterson 2005; Jääts 2011]. Фильм про южных удмуртов, подготовленный совместно с Удмуртским республиканским краеведческим музеем (УРКМ, в наст. время Национальный музей Удмуртской республики им. Кузубая Герда, НМУР), был показан на VI Международном конгрессе финно-угроведов в Сыктывкаре в 1985 г., а фильм про удмуртские религиозные обряды – на одном из Пярнуских фестивалей визуальной антропологии [Лебедева, 06.06.2019].

Кроме создания фильмов, директор ЭНМ Алексей Петерсон написал ряд работ по методике этнографической кино съемки в полевых условиях; в работах он проанализировал опыт кино съемочной деятельности музея. Многие наблюдения Петерсона не потеряли актуальность и в наши дни. На основе его теоретических работ, музейной кино- и видеотеки, а также полевых дневников участников финно-угорских экспедиций можно проследить, как меняются отношение самих исследователей к тому, что и как необходимо запечатлеть на пленку, а также визуальный язык зафиксированного материала.

Религиозные практики как часть повседневного быта

Этнографический фильм, по словам Алексея Петерсона – это научный источник, детально воспроизводящий все операции исследуемого явления, трудового процесса и взаимосвязи между ее участниками, а также между формой орудия и движением работников [Петерсон 1973, 6; Niglas, Toulouze 2010, 85]. Научно-документальные кинофильмы, снятые музеем в советское время, представляют собой, главным образом, опыт реконструкции прошлого или «традиционного» быта, где местные жители демонстрируют перед камерой старинные трудовые процессы и определенные обрядовые действия (посиделки, свадьбу, освящение молодухи водой в день первого выхода на косьбу и т.п.). Данный метод – «реконструкция-воспоминание» [Петерсон 1993, 16] – позволяет организовать технически качественную съёмку и подробно фиксировать детали, но ограничивает возможности основного метода этнографического исследования – включенного наблюдения. Киносъемка предполагает одновременное участие сразу нескольких человек, обеспечивающих отдельно свет, звук и картинку. В таких условиях исследователь не может полностью вписаться в изучаемую среду и оставаться незаметным наблюдателем. Дальнейшее внедрение более удобных в использовании видеокамер расширило возможности сбора материала при включённом наблюдении, позволив относительно легко и незаметно запечатлеть на видео происходящее. Появление в арсенале музея видеокамеры в 1988 г. привело к тому, что с конца 1980-х – начала 1990-х гг. основным объектом аудиовизуальной фиксации стали повседневная культура и особенно традиционные моления, которые «было намного легче запечатлеть на кинопленку. <...> Ибо процессы, связанные с традиционной обрядностью, проходили в определенное время и в определенном порядке» [Петерсон 2007, 112]. Возможности видеокамеры позволяли экспериментировать с разными подходами к документации материала, и теперь наравне со съемкой-наблюдением стал использоваться метод интервью, – «считаю, что современность лучше всего запечатлеть на видеопленку через интервью» [Peterson 2006, 308], – когда носитель культуры подробно рассказывал и показывал исследователям под запись на камеру интересующие их объекты и ритуалы. Наряду с реальным наблюдением и фиксацией бытующих обрядов и обычаев продолжался также сбор тематического материала с помощью «воспроизведения» отдельных его элементов для исследователя.

На основе отдельных аудиовизуальных материалов проследим, какие фрагменты религиозных практик финно-угорских народов нашли отражение в музейном архиве, и какие методы используются исследователями при фиксации разных обрядов. Следует уточнить, что в анализируемый нами период все съемки велись музейными операторами под руководством этнографов.

Прежде всего, обратимся к архивному материалу, связанному с северными народами – хантами и нганасанами. В 1989 г., во время экспедиции в Шурышкарский район Ямало-Ненецкого автономного округа под руководством Эдгара Саара, оператор Аадо Линтроп провел видеосъёмки на хантыйском стойбище и в деревнях Лопхаринского и Восяховского сельских советов. 160-минутный видеоматериал содержит информацию о бытовой обстановке, одежде и занятиях местных жителей (заметно, что некоторые сцены исполняются по просьбе исследователей, например, позирование в традиционной зимней одежде в разгар лета); имеются кадры с видами окрестностей селений, реки Куноват и разных кладбищ [ERM V 9].

Частично запечатлен также обряд поминовения усопших родственников одной хантыйской семьей, свидетелями которого исследователи стали при посещении кладбища недалеко от д. Усть-Войкар Восяховского с/с в сопровождении местного проводника. Вероятно, исследовательская группа случайно наткнулась на семейное поминание, ибо запечатлен только конец обряда. Недалеко от могил был разведён костёр, возможно, готовили еду. На видеокдрах видно, как изначально разостланные на поверхности домиков-могил платки и разложенную на бумаге перед «окошком» еду собирают и кладут внутрь, в «окошко». Затем члены семьи поочередно подходят и стучат кулаком по «крышам» деревянных могил. Через некоторое время все начинают собираться домой, тушат костёр, семья неспешно уходит с кладбища. Никто из присутствующих на камеру внимания не обращает, кроме мальчика Дениски (так его за кадром называет одна из женщин). Люди ведут себя естественно: кажется, что никаких неудобств они не испытывают и не чувствуют, что «посторонний глаз» или чужие люди наблюдают за исполнением сакрального действия – обряда общения с умершими. Для участников обряда это вполне обыденное действие, часть бытовой жизненной практики, которая не нуждается в приватности. Диалога во время съёмок оператор не ведёт, кроме произнесённого «до свидания», когда люди находятся практически уже за кадром. Судя по снятым материалам, участники обряда доверяют пришедшим людям – исследователям, сторонним наблюдателям. Возможно, исследователи еще по приходу на кладбище пообщались с людьми, попросили разрешения на проведение съёмок. К сожалению, в полевом дневнике Эдгара Саара [ERM TA 857] посещение кладбища только упоминается, и подробности общения с информантами не описаны. В других фрагментах видеоматериала кладбища отсняты обзорно, без фиксации каких-либо действий.

В видеоматериале Аадо Линтропа, который он отснял в августе 1989 г. на Таймыре, зафиксирована жизнь нганасан поселка Усть-Авам тогдашнего Долгано-Ненецкого автономного округа [ERM V 10–12]. Кроме Линтропа, в экспедиции участвовали лингвист Евгений Хелимский из Москвы, музыковеды Юрий Шейкин и Оксана Добжанская из Новосибирска, путешественник-натуралист Хендрик Рельве из Таллинна и этномузыколог Трийну Оямаа из Тарту [Lintrop 1996]. Имеются кадры нганасанских кладбищ: коробка на нартах и нарты, оставленные шестью в виде чума. По видео можно заключить, что обзорные съёмки оператор осуществлял один, так как рядом с ним во время съёмок никого нет.

Кроме обзорных кадров, материал содержит фрагменты традиционного быта нганасан, а также ритуальные танцы, камлание или общение с миром духов через шамана. Действие происходит в доме шамана из рода Нгамтусуо Тубяку Костёркина, присутствует и его сын Леонид [Lintrop 1996]. Следует отметить, что Аадо Линтроп, будучи ассистентом оператора фильма «Ветры млечного пути» Леннарта Мери, в 1977 г. принимал участие при съёмках камлания Демниме Костёркина – младшего брата Тубяку Костеркина (главного героя фильма «Шаман»), потому имел представление о самом ритуале и знал, что его ожидает в поле.

Участниками ритуала камлания в качестве «заказчиков», через шамана задающих вопросы духам, являются все присутствующие наблюдатели, в том числе исследователи (чаще других в кадре присутствует Юрий Шейкин). Сначала Тубяку Костёркин показывает свои ритуальные предметы и костюм. Облачившись в него, он начинает камлание, используя ритуальный посох. Во время проведения ритуала исполняется обрядовый напев (второй участник подпевает). При внимательном изучении материала записей можно заметить открытое взаимодействие,

доверительное общение между исследователями и информантами. Представленный обряд является не реконструкцией, но имитацией ритуального действия, или имитационным обрядом [Добжанская 2013, 76–77]. В данном случае поводом для проведения шаманского обряда стал приезд исследователей, обратившихся к носителю традиции с вопросами или просьбой познакомиться с его культурой. Безусловно, для более глубокого анализа аудиовизуального материала необходимо знание нганасанского языка, однако визуальный ряд ценен сам по себе как источник сведений о деталях процесса камлания, о взаимодействии участников ритуала, для подробного рассмотрения ритуальных предметов и одежды.

Часть музейного аудиовизуального материала, связанного с религиозной тематикой, может быть определена как реконструкция или реконструкция с элементами интервью. Однако это не предполагает повторяющихся дублей, возможных при съёмке документального фильма с соблюдением требований сценария, технических и художественных запросов. В видеоархиве мы обнаружили несколько кадров, снятых с применением подобного метода – ижорский ритуал посещения кладбища и небольшой сюжет из съёмок марийской моленной роши.

Пример съёмки в форме воспроизведения действия встречается в материалах ижорской экспедиции 1990 г. Исследовательская группа состояла из 6 человек: руководителя – научного сотрудника ЭНМ Маре Пихо, оператора Хенна Хейнсоо, художника Маргуса Порро, фотографа Юри Карма, а также Аири Куронен из Финского Музейного ведомства и Марьюкки Патракка из Политехнического университета в Эспоо. Запечатленный камерой сюжет – это ижорская традиция поминания предков на кладбище в мае 1990 г. [материал снимался на 16-миллиметровую киноплёнку и был скопирован на видео, ERM V 340]. Информанты – три женщины из деревни Пахомовка Кингисеппского района Ленинградской области – ведут себя естественно, не замечая камеры. Они выполняют обыденное для них действие, соответствующее традиции посещения кладбища во время поминок. Предварительную договорённость между оператором и участниками обнаруживают только два факта: идеально выбранное место для съёмки всего происходящего цельным кадром, а также дневниковые записи Маре Пихо: «Далее – деревня Венаконца, так как мы настроены были снять кладбище и посещение кладбища местными жителями. Привели на место трёх женщин, договорились, что они подойдут в сторону кладбища, и мы начнём снимать. После – далее на кладбище. Они принесли с собой яйца, конфеты, немного красного вина. Разделили пополам, одну половину на могилу, другую – на крест. Хенн и Юри снимали, поэтому сфотографировать происходящее не удалось <...>. Потом обратно поехали в деревню, и те же самые женщины (Ева Севастьянова, Антонина Сергеева и Маша) пошли к (священному) камню и инсценировали нам подношение птицам (жаворонку) (*Kiuru linnule annetamise*). Весной это еда, сейчас – конфеты. Спели также две архаичные ижорские песни, которые очень нужны для фильма» [ГА 874, 1990, 49–50]. Визуально кадры очень естественны, сняты в формате близкого наблюдения, но не участия в процессе. К сожалению, из-за технических неполадок при синхронной съёмке в архивном файле отсутствует звук, поэтому напев исполненных у священного камня песен не сохранился, возможно изучение только визуальных данных.

Реконструкция с элементами интервью прослеживается в марийском материале 1990 г., когда во время экспедиции в тогдашнюю Марийскую АССР под руководством Алексея Петерсона музейный оператор Ян Трейал провел съёмки в моленной роше Моркинского района [ERM V 28]. Это была совместная экспедиция ЭНМ, Национального музея Республики Марий Эл (в то время – Марийского республиканского научно-краеведческого музея) и Венгерского этнографического музея. Кроме Петерсона и Трейала в ней участвовали фотограф Арп Карм и художник Маргус Порро из ЭНМ, М.Б. Матукова, Р.С. Тулкачева, Д. А. Смирнова и О.А. Требушкова с марийской стороны и Агнеш Кережи из Венгрии.

Исследователи посетили рошу в сопровождении местного жреца Александра Пектеева. В начале снятого на плёнку материала даётся общий вид роши: недалеко от священного дере-

ва расположено кострище. Александр Пектеев рассказывает этнографам о проводимых в роще молениях. В кадре зафиксированы перекладина у молельного дерева с оставленными на ней подношениями – полотенцами и платками; место кострища с оставленной посудой и готовыми для розжига дровами. Эти предметы указывают на сохраняющуюся традицию персональных и/или семейных обрядов – молений на природе. К реконструкционной части видео относятся кадры, где Александр Пектеев в тишине подходит к священному дереву; остановившись у перекладины с дарами, он «поправляет» висящие на нём платки. В следующем кадре жрец спускается по тропинке к роднику, встаёт перед источником и обращается к высшим силам с молитвой, после чего умывается родниковой водой. Видеоматериал свидетельствует, что для местного жреца непривычно действовать перед камерой: он держит себя немного скованно, обращаясь иногда за подтверждением правильности своих действий к «режиссёру». Закадровый голос А. Петерсона также указывает на то, что «сцена» была обговорена заранее. Для фиксации этнографической информации было бы достаточно записать порядок обряда со слов носителя традиции. Однако подобные реконструированные кадры вполне удачны и могут использоваться при создании описательных или обучающих этнографических фильмов с закадровым текстом. Съёмка дополнительного материала при наличии времени и удобных условий для работы всегда имеет практическое значение.

В экспедиции 1990 г. участвовала также студентка Тартуского университета Тийа Пеэдумяе, изучавшая марийскую традиционную культуру. По её воспоминаниям, специально о религиозных традициях тогда не расспрашивали, но собирали информацию в общем контексте воспоминаний о сельской жизни и сохраняемых в селе традициях [Litorell 20.06.2019]. Позднее, будучи уже научным сотрудником ЭНМ, в 1991–1992 гг. Пеэдумяе организовала два экспедиционных выезда в Марий Эл с целью изучения марийских молельных обрядов, активно возрождаемых на волне национального движения. Материалы этих экспедиций будут подробнее рассмотрены позже.

Киноэкспедиции ЭНМ и съёмки молельных обрядов

Как уже было отмечено, ЭНМ очень тесно сотрудничал с Удмуртским республиканским краеведческим музеем. За исключением 1982 г., экспедиции к удмуртам совершались с 1977 до 1993 гг. ежегодно (последний выезд ЭНМ в Удмуртию совместно с сотрудниками Удмуртского института истории, языка и литературы состоялся в 2010 г.). За это время эстонцы успели стать для удмуртов «своими» [Lepp 2001, 19] и могли быть свидетелями разных обрядовых молений.

Впервые эстонские исследователи присутствовали на удмуртских молениях с жертвоприношениями в 1980 г. во время съёмок фильма про южных удмуртов (еще до молений исследователи получили разрешение местных жрецов на участие и съёмку ритуала). Позднее заснятые на молении сюжеты легли в основу тематического фильма «Религиозные обряды южных удмуртов в начале XX в.». Фильм о религиозных молениях и киномонографии о южных и северных удмуртах были представлены зрителю как реконструкция (название и авторский текст, где об обряде с жертвоприношением рассказывается как о событии далекого прошлого). Однако материал был снят на настоящем сезонном молении на Петров день, проведенном удмуртами д. Кузубаево Алнашского района Удмуртии в июле 1980 г. [Карм 2013]⁷.

Для обоих музеев удмуртские религиозные обряды оказались своеобразным «мостом» для международного научного обмена. Так, при посредничестве ЭНМ в июне 1989 г. на весенне-летних молениях с жертвоприношением *Гершыд* в д. Варклед-Бодья Агрызского района Татарстана присутствовала киносъёмочная группа, состоящая из представителей Венгер-

⁷ Подобная практика встречается и в раннее упоминаемом фильме «Вепсы в начале XX в.», где запечатлены документальные кадры с заветного праздника, прошедшего 21 июля 1968 г. в дер. Сидорово Бокситогорского района Ленинградской области. В ходе праздника состоялся настоящий крестный ход, освящение воды и купание в озере. И лишь икону по просьбе эстонских музейных работников омывали дважды [Ятс 2015, 5–6].

ского этнографического музея и Австрийского телевидения (*Lehel László, Várhegyi Rudolf, Papp János, Nádaskay István*), а в июле 1991 г. на празднованиях Петрова дня в д. Кузебаево – финская исследовательница Анна-Леэна Сийкала (*Anna-Leena Siikala, 1943–2016*) [подробнее об экспедиции: Siikala 2004, 58–64]. Материалы экспедиций 1989 и 1991 гг. легли в основу нескольких фильмов. Венгерско-австрийской группой были созданы фильмы «*Die Udmurtenoder Derweinende Bär*» (1989, *István Nádaskay*), «*Sacrificial Offerings of The Udmurt People*» (1989–1999, *Lehel László, Text by Ágnes Kerecsi, Aado Lintrop*) и в Финляндии – «*Inmarinlapset. Udmurtialainen Uhrjuhla*» (1993, *Mirja Metsola, Anna-Leena Siikala*) [Карм 2019, 64–65]. По материалам 1988–1989 гг. [ERM V 1, V 2/2, V 2/3, V 6/2, V 7/1, V 8/2] в ЭНМ была подготовлена серия видеосюжетов «Моления в Варклед-Бодье». Кроме фильмов и видеоархива, в 1980 – начале 1990-х гг. был собран богатый и разнообразный материал об удмуртских ритуальных обрядах, на основе которого Аадо Линтроп подготовил и защитил докторскую диссертацию и опубликовал ряд исследований [Lintrop 1997, 2000, 2003]. Эстонско-удмуртские экспедиции и их материалы изучены участницей полевых исследований Светланой Карм; это отражено в ее работах, написанных с точки зрения очевидца съемок кинофильма о северных удмуртах и других ритуалов [Карм 2013, 2019]. В контексте рассматриваемого ниже марийского моления сопоставим отдельные примеры, связанные с участием в удмуртских моленных ритуалах иностранных исследователей и кинематографистов.

Участница экспедиции 1991 г. архивариус ЭНМ Тийна Таэль, направленная в Удмуртию в качестве ассистентки Анны-Леэны Сийкала, в полевом дневнике сообщает, что поездка для нее была неожиданной и что до этого об удмуртах она ничего не знала [ERM TA 881, 2]. В Ижевске состоялась встреча с этнографом Владимиром Владыкиным, который познакомил гостей-этнографов с удмуртскими верованиями, объяснил, что такое *куала* и *луд*, и рассказал об обрядах, в которых они примут участие [там же, 26]. Еще до выезда «в поле» исследователи были ознакомлены с определенными нормами поведения на молении. «Сначала мы не осмеливались даже перемещаться, снимать или фотографировать, но вскоре стало ясно, что им совершенно безразлично, есть там наблюдающие за ними чужие или нет, они занимаются своими делами; тем более, к такому вниманию они давно привыкли, поэтому в числе прочего смогли понаблюдать поближе и за происходящим в самом святилище. Конечно, мы должны были соблюдать определенные правила, потому что женщина, пусть и чужая, должна входить в святилище справа, а ее волосы должны быть покрыты платком» [там же, 37–38].

Совершенно другая ситуация была на *луде*. «Итак, у нас была хорошая возможность познакомиться с местом. Совсем близко к *луду* мы с Анной-Леэной не решились подойти, Серафима [Лебедева, заведующая этнографическим отделом музея, бессменный руководитель экспедиций с удмуртской стороны, С. К.] запретила. Здесь, оказывается, имеются определенные границы, куда не может ступить женская нога, и для того, чтоб не навлечь беду на голову, мы тоже поступили так, как надо, чтоб не вызвать несчастье. <...> Многого, что делалось, мы не видели, ибо все проходило на расстоянии около 150 м, и, как назло, там начинался небольшой склон горы. Когда и как приносили в жертву овцу, мы не видели» [там же, 43–44]. Исследователям, однако, удалось запечатлеть на видео оба моления с жертвоприношениями – около родового святилища *куалы* и на священной роще *луд*, в последнем случае ритуал снимал на видео музейный фотограф Арп Карм. Анна-Леэна Сийкала передала копии всех экспедиционных видеоматериалов в ЭНМ [ERM V 105–109; материалы с молений – ERM V 103, 104].

Весьма нервной оказалась ситуация на молениях в 1989 г. с участием венгерско-австрийской киносъёмочной группы. По словам Петерсона, проблемы были, прежде всего, коммуникативного плана: переводчица не всегда адекватно передавала смысл сказанного, больше переводила иностранцам информацию музейного оператора Аадо Линтропа, нежели удмуртского руководителя экспедиции и носителя культуры Серафимы Лебедевой, и венгры зачастую поступали по своему усмотрению, не считаясь с планами других сторон – Удмуртского

и Эстонского музеев; и вообще было непонятно, чего они хотели [Peterson 2006, 307, 311–312]. К тому же у телевизионщиков были совершенно другие подходы к съемке: они искали эффектный кадр, не всегда соблюдали очередность ритуальных действий; в поисках лучшего ракурса переступали дозволяемые границы традиционного нормативного поведения. Так, например, большое недовольство местных жителей вызвало перешагивание во время молений кинематографистами через расставленные на земле тарелки и хлеб для обрядовой трапезы, когда каждая семья приносит свою посуду и выпечку. Пришлось объяснить, что и как, и все уладилось [Лебедева, 6.06.2019]. Подытоживая результаты экспедиции 1989 г. и создавшуюся ситуацию, Петерсон перед своим отъездом из Удмуртии заключает: «Это хорошо, что они [венгры] смогут полностью снять моления! Конечно, все это не совсем приятно, ведь мы очень легко связали киносъёмочную группу с фиксацией очень важных событий. Исследуемое имеет большую ценность. Но вряд ли они смогут понять всю сущность молений. Конечно, они смогут расставить поочередно кадры, но объяснить их не смогут. Для них это и не так важно. В конце концов, они кинематографисты, а не этнографы» [Peterson 2006, 313]. Как видно, и по прошествии времени ученый остался верен своему убеждению, что для съемки этнографического фильма следует проделывать большую научную и научно-организаторскую работу, что в идеале нужен оператор-этнограф, но так как таковых практически нет, то создание полноценного научно-документального фильма возможно обеспечить только при тесном сотрудничестве оператора и исследователя. Петерсон считал, что при съемке этнографического фильма эстетическая сторона, монтажные эффекты и т.п. отходят на второй план. И если для рядового зрителя такая лента может показаться просто скучной и утомительной, то для этнографа она даст богатую, иногда уникальную информацию [Peterson 1973, 3]. Подобного мнения придерживались в то время и другие ученые. Так, например, документалист-антрополог Асен Баликчи (*Acen Balikci*, 1929–2019) отличительными чертами этнографического фильма считал, прежде всего, научность и содержание, а также участие этнографа на той или иной стадии создания фильма. По Баликчи, этнографический фильм – это, прежде всего, учебный фильм, и хороший этнографический киноматериал с одинаковым успехом может служить как исследователям, так и учащимся [Баликчи 1985, 16, 19; подробнее о нем: Александров 2020]. Споры о том, каким должно быть этнографическое кино, не утихают и сегодня.

Последняя совместная экспедиция эстонского и удмуртского музеев состоялась в апреле 1993 г. в д. Варклед-Бодья. В ней участвовали этнологи Серафима Лебедева и Светлана Карм, оператор Аадо Линтроп и фотограф ЭНМ Арп Карм. Целью экспедиции было исследование приуроченного к Пасхе весеннего обрядового цикла *Акашка*, объединяющего молодежные обряды инициации, ритуальное гостевание и празднование *Бьдэыннунал* (Великого дня). Работа исследовательской группы была организована таким образом, что мужчины с видео- и фотокамерой следовали за участниками молодежных ритуалов и фиксировали все события в движении, женщины наблюдали за происходящим со стороны, не вмешиваясь в процесс съемок, а также собирали и записывали информацию от жителей деревни; им сразу сообщили, что женщинам запрещено участвовать и следить за обрядом юношей и за мужским молением. Вся группа смогла наблюдать за подготовкой обрядовой пищи, крашением яиц и ритуальным застольем представителей одного рода в двух домах, а также участвовала на общедеревенском молении *Акашка*, завершающем обряд посвящения девушек [ERM V 62, Lintrop 2003, 198–203; Карм 2004, 54–57]. Ритуалы, визуально задокументированные исследователями в 1993 г. в Варклед-Бодье, являются неотъемлемой частью обрядовой жизни деревни и в наши дни, и хранящиеся в музее полевые материалы дают возможность проследить изменения и преемственность религиозных практик отдельно взятой удмуртской деревни [Карм 2018; Анисимов, Тулуз 2018].

Вернемся к марийским материалам Тийи Пездумяэ. Специальные экспедиции для изучения религиозной обрядовой культуры мари были организованы ею в 1991 и 1992 гг. [Alybina 2018]. Во время экспедиции 1991 г. зафиксировано на видео первое марийское общественное

моление *Мер Кумалтыш* (общее моление) в деревне Олоры Параньгинского района Марий Эл [ERM V 38]. В 1992 г. в той же деревне снят обряд весеннего моления *Агавайрем* [ERM V 48/1], а также ритуал поминовения предков [ERM V 48/2]. Видеоматериал собран без вмешательства в процесс происходящего события в ходе съёмки-наблюдения; оператором в обоих случаях был Яан Трейал.

Стороннему наблюдателю попасть на обряд общественных молений в рощу без связи с местными жителями непросто. Однако даже наличие местных проводников не могло обеспечить получение разрешения на полноценную съёмку первых официальных марийских общественных молений. Так, местные жрецы не дали эстонским исследователям разрешение присутствовать при жертвовании животного. В дневниковых записях Тийа Пеэдумяэ с сожалением отмечает, что начало моленного обряда не снято, а также выражает сомнение в том, разрешат ли им вообще снимать моление: «На окраине рощи нас ждал неприятный сюрприз. Рядом с символическими воротами в рощу <...> нас встретил [местный организатор молений] Аркадий Данилов и уведомил, что подготовку и жертвование животных снимать ни нам, ни финскому телевидению нельзя, нельзя и фотографировать. Так было решено вчера на вечернем собрании жрецов. Снимать разрешалось только с 11 часов, когда подготовка закончится и начнётся моление. <...>. Нам объяснили, что съёмка жертвоприношения (убиения животных) и крови не угодна богу. Конечно, раз уж мы сюда приехали, мы не можем нарушать их пожелания» [ERM TA 886, 34–35].

Оператору ничего не оставалось, как снимать вне рощи. И первые кадры моленного обряда содержат вид рощи с символическими воротами, к которым подходят женщины с жертвенными гусями и узелками с выпечкой. Однако благодаря переговорам с представителями религиозного центра «Ошмарий-чимарий» разрешение на съёмку было получено: «Около 8 часов [подготовку к ритуалу местные жрецы начали еще в 4 часа утра] всё же смогли начать снимать и фотографировать. Участники привыкли к нашему присутствию, также удалось объяснить А. Юзыкайну, что фильм нужен и для их истории, что это не только в наших интересах. Посоветовавшись с В. Ивановым [Василий, президент Марийской общественно-политической организации «Кугезе-Мланде», С. К.], наконец он дал разрешение» [там же, 37; Peedumäe 2008].

Так, лидер религиозного движения, руководитель марийской религиозной организации в 1991–1996 гг. Александр Юзыкайн был связующим звеном между исследователями и исследуемыми. Его присутствие в проводимом обряде могло повлиять на принимаемые сообществом жрецов решения. Здесь раскрывается значимость местного посредника, личность которого часто влияет на первичное установление контактов в исследуемом сообществе, а также на изначальное представление местных жителей о самих исследователях.

При просмотре материала чувствуется уверенная работа оператора, способного снимать в сложном этнографическом поле с минимальным привлечением к себе внимания. На кадрах видно, что все участники ритуала заняты своим делом: мужчины следят за кострами, женщины стоят в очереди к жрецу перед священным деревом, выставляют принесённые блюда на ритуальный стол. Видео передаёт атмосферу происходящего через действия людей. Советуясь друг с другом, иногда они, каждый своим участием, дополняют общую коллективную деятельность.

Когда процесс подготовки жертвенных птиц и подношения даров к священным деревьям завершён, у посетителей обряда появляется свободное время. Данный момент чётко выделяется в видеоряде, чувствуется смена атмосферы. Люди свободны от дел, они осматриваются на месте, общаются между собой, присматриваются к камере, взаимодействуют с ней взглядом, просто ждут. Оператор наблюдает, его главное внимание теперь не на действии людей, а на самих участниках. В кадре – разные поколения, внешний вид людей, одежда, детали домотканых костюмов и более современные марийские платья, которые женщины надели в рощу... Ритм видео меняется естественно, следуя ритму самого проводимого ритуала.

Анализируя видеоматериал 1992 г. о марийских обрядовых традициях, можно отметить, что установленные в предыдущую поездку доверительные отношения обеспечили исследователям доступ к участию в достаточно частных обрядах наравне с местными жителями.

Весь материал, снятый в день весенних молений *Агавайрем*, длится 120 минут. Более половины видео посвящено подготовке к молебному ритуалу. Вторая часть содержит кадры обряда *Агавайрем* и состоявшихся ближе к вечеру сельских спортивных состязаний. Весенний ритуал проводится без жертвоприношений животных, и потому этических проблем выбора кадра и трудностей для доступа с камерой в молебное место у исследователей не было.

Наряду с деревенскими молениями, исследователи зафиксировали также семейный обряд поминовения предков на праздник *Семык* [ERM V 48/2], который проводился на следующий день после *Агавайрем*. *Семык* проводится отдельно в домах, в семейном кругу.

Включённое наблюдение семейного обряда, в отличие от общественного, предполагает полную вовлеченность и участие в ритуале вместе с другими членами семьи. Тийа Пеэдумяэ отмечает в дневнике, что при поминальном ритуале каждый член семьи подходит к столу и пробует блюда, одновременно отламывая кусок и кладя его в общее блюдо, предназначенное для угощения покойников. При этом исследователи, ведущие наблюдение и видеосъёмку, позднее тоже должны были присоединиться к ритуалу поминовения предков в качестве гостей и близких друзей данной семьи [ERM TA 887, 62].

Видеоматериалы, собранные в экспедициях Тийи Пеэдумяэ, являются одними из наиболее информативных документов, свидетельствующих о процессе возрождения религиозной традиции мари в постсоветский период. В совокупности с полевыми дневниками, они содержат информацию не только об изучаемых марийских обрядах, но освещают и тему практической полевой работы и специфики видеофиксации ритуалов.

Вместо вывода

В полевой работе по методу включённого наблюдения важными для адаптации в среде исследуемой традиции являются как сами исследователи, так и проводники-посредники между этнологом и изучаемым сообществом. В момент начала взаимодействия (знакомства) с носителями культуры исследователь получает степень доверия окружающего сообщества в зависимости от авторитета своего «проводника». Данный эффект построения первого впечатления проявляется и на примере исследования с камерой религиозных ритуалов. Сегодня цифровые технологии и фото-, видеосъёмка стали привычной практикой при фиксации материала этнологами, однако стоит учитывать особое отношение и непривычность для информантов взаимодействия с камерой в советский период. Рассмотренные примеры сбора визуального материала подтверждают значимость долгосрочных и многократных полевых выездов на изучаемое поле. Данный опыт работы в исследовательском поле применим и сегодня, когда стороннее видеонаблюдение стало обыденным, особенно в городах. Тем не менее применение видеосъёмки и в наши дни может вызвать желание информанта уберечь своё личное пространство (особенно это касается духовных обрядов). С другой стороны, популярность видео- и фототехники делает возможным для этнографа сбор «готового» визуального материала по обрядам, отснятого информантом «для себя». Такой материал представляет точку зрения информанта, и нередко эти кадры дополняют данные в плане уровня восприятия происходящего и расстановки приоритетов при фиксации деталей той или иной традиции.

ИСТОЧНИКИ

ERMV – видеоархив ЭНМ.

ERM TA – топографический архив (дневники) ЭНМ.

- ERM V 1. Aleksei Peterson, Serafima Lebedeva, Kalju Nilbe. Palvuspühad Varklet-Bodjas I. 1988. 185 min.
- ERM V 2/2. Aleksei Peterson, Serafima Lebedeva, Kalju Nilbe. Palvuspühad Varklet-Bodjas II. 1988. 48 min.
- ERM V 2/3. Aleksei Peterson, Serafima Lebedeva, Kalju Nilbe. Matmiskombed Varklet-Bodjas. 1988. 18 min.
- ERM V 6/2. Aleksei Peterson, Lebedeva, Serafima, Aado Lintrop. Palvuspühad Varklet-Bodjas I. 1989. 94 min.
- ERM V 7/1. Aleksei Peterson, Serafima Lebedeva, Aado Lintrop. Palvuspühad Varklet-Bodjas II. 1989. 170 min.
- ERM V 8/2. Aleksei Peterson, Serafima Lebedeva, Aado Lintrop. Palvuspühad Varklet-Bodjas III. 1989. 122 min.
- ERM V 9. Edgar Saar, Aado Lintrop. Hantide eluolu. 1989. 162 min.
- ERM V 10. Aado Lintrop. Nganassaanide eluolu. 1989. 63 min.
- ERM V 11. Aado Lintrop. Nganassaanid, šamaani ehted ja rituaalid I. 1989. 63 min.
- ERM V 12/1. Aado Lintrop. Nganassaanid, šamaani ehted ja rituaalid II. 1989. 22 min.
- ERM V 28. Aleksei Peterson, Jaan Treial. Ekspeditsioon Mari ANSV-sse II. 1990. 49 min.
- ERM V 38. Tiia Peedumäe, Jaan Treial, Harri Hinn. Palvuspühad Mari El-s. Mer Kumaltõš. 1991. 63 min.
- ERM V 48/1. Tiia Peedumäe, Jaan Treial. Aga-Pairem – ohvripüha. 1992. 120 min.
- ERM V 48/2. Tiia Peedumäe, Jaan Treial. Palvuspühad Mari El-s. Semõk – surnute mälestuspüha. 1992. 34 min.
- ERM V 62. Aado Lintrop. Noorte palvused, Varklet-Bodja. 1993. 62 min.
- ERM V 103. Anna-Leena Siikala. Peetripäeva pidustused I. 1991. 13 min.
- ERM V 104. Anna-Leena Siikala, Arp Karm. Peetripäeva pidustused II. 1991. 70 min.
- ERM V 340. Henn Heinsoo. Isuri ekspeditsioon. 1990. 32 min.
- ERM TA886. Tiia Peedumäe. Ekspeditsiooni päevik. Mari ANSV (Mari El) Paranga rajooni Olor Jal. 7.–15. oktoober 1991.
- ERM TA 887. Tiia Peedumäe. Välitööde päevik. Mari Vabariik (Республика Марий Эл) Paranga rajooni Olor jali küla. 3–15 juuni 1992.
- ERM TA 857. Edgar Saar. Välitööde päevik. Tjumeni oblast Jamali-Neenetsi rahvusringkond, Šuraškarõ rajoon. 12 juuli – 7 august 1989.
- ERM TA 874. Mare Piho. Isuri ekspeditsiooni päevik. 7–21.05.1990.
- ERM TA 881. Tiina Taela ekspeditsiooni päevik. Udmurdi ANSV Alnašši ja Kijassovo rajoon, Tatari ANSV Agrõzi raj (udmurdi külad). 07–24.07.1991.a
- Litorell, 20.06.2019 = Litorell, Tiia. Intervjuu Svetlana Karmile ja Tatiana Alybinale ERMi ekspeditsioonidest. Tartu, 20. juuni 2019. Autorite arhiiv, audiofail.
- Лебедева, 6.06.2019 = Лебедева, Серафима Христофоровна. Интервью Светлане Карм о совместных удмуртско-эстонских экспедициях. Ижевск, 6 июня 2019 года. Аудиофайл в личном архиве исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров Е. В.* Вместо рецензии. В поисках предмета визуальной антропологии // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 9–20.
- Александров Е. В.* Предыстория визуальной антропологии: первая половина XX в. // Этнографическое обозрение. 2014. № 4. С. 127–140.
- Александров Е. В.* Российская шинель Асена Баликси. In МеморIAM // Сибирские исторические исследования. 2020. № 4. С. 60–88.
- Анисимов Н., Тулуз Е.* Современное бытование обряда *Восьнерге* в д. Варклед-Бодья Агрызского района Республики Татарстан (по материалам экспедиции 2017 года) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Том 12. № 4. С. 101–114.

Арутюнов С. А. От спокойной к ускользящей материальности. О проблемах этнографического изучения материальной культуры (интервью Н. В. Богатырь) // Этнографическое обозрение. 2011. № 5. С. 5–19.

Баликчи Асен. Этнографические фильмы и музеи: история и перспективы // Museum. 1985. № 1(145). С. 15–23.

Добжанская О. Э. Нганасанские обрядовые песни в исполнении наследников шамана (к проблеме имитации шаманского ритуала) // Эпическое наследие и духовные практики в прошлом и настоящем: Сб. статей / Отв. ред. В. И. Харитонов. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 75–85.

Головнев А. В. О киноантропологии // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 21–32.

Головнев А. В. Антропологическое кино и фестивальное движение // Культурологические исследования в Сибири. 2009. № 4(30). С. 27–38.

Головнев И. А. «Лесные люди» – феномен советского этнографического кино // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. С. 81–91.

Головнев И. А. «Марксистская этно-фильма» Владимира Богораза // Этнографическое обозрение. 2020. № 6. С. 127–144.

Карм С. Аудиовизуальное документирование удмуртских религиозных обрядов в советское время // Ежегодник финно-угорских исследований. 2013. Вып. 1. С. 78–86.

Карм С. Финно-угорский дискурс в эстонской этнологии (на примере исследования удмуртской культуры). *Dissertationes ethnologiae Universitatis Tartuensis* 9. (Науч. рук. Арт Леэте). Tartu: University of Tartu Press, 2019.

Малахова М. Я. IV Международный кинофестиваль визуальной антропологии // Советская этнография. 1991. № 4. С. 171–174.

Петерсон А. Ю. Вопросы методики этнографических кино съемок // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь, 1973). Доклады советской делегации. Москва: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1973а. С. 8–9.

Петерсон А. Значение этнографических кино съёмки в процессе сбора материалов по материальной культуре // Teesid. Eesti NSV Riikliku Etnograafia Muuseumi XV teaduslik konverents. / Тезисы XV научной конференции Государственного Этнографического музея Эстонской ССР. 12–13. IV 1973. Tartu, 1973б. С. 31–35.

Петерсон А. Ю. Этнографический фильм как документ исследования // ERMi Aastaraamat XXXIII. Tallinn, 1983. Lk. 30–35.

Петерсон А. Ю. «Заметки на полях», или об этнологической собирательской и исследовательской работе в Удмуртии // Этнография восточно-финских народов: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения профессора И. Н. Смирнова. Ижевск, 17–18 октября 2007 года. (Отв. редактор А.Е. Загребин). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2007. С. 108–119.

Форум 2007 = Форум «Визуальная антропология» // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 6–108.

Alybina Tatiana. Mari usukombed läbi kaamerasilma: Tiia Peedumäe välitööd Mari Vabariigis aastatel 1991–1992 // Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat 61. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2018. Lk. 80–101.

Astel Eevi. Eesti Rahva Muuseum aastatel 1940–1957 // Eesti Rahva Muuseumi 100 aastat. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2009. Lk. 186–247.

Eesti etnograafiline film I = Eesti etnograafiline film I. Kaks filmi eesti etnograafiast. Aleksei Peterson 80 (DVD ja bukleti koostaja Indrek Jääts). Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2011.

Eesti etnograafiline film II = Eesti etnograafiline film II. Udmurdid (DVD ja bukleti koostaja Svetlana Karm). Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2013.

Eesti etnograafiline film III = Eesti etnograafiline film III. Vepslased. (DVD ja bukleti koostajad Svetlana Karm, Indrek Jääts) Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2015.

Jääts Indrek. Tagasivaade etnograafilise filmi sünniloole Eesti Rahva Muuseumis. Aleksei Petesoni 80. sünnipäeva puhul // Eesti Etnograafiline film I. Kaks filmi eesti etnograafiast. Aleksei Peterson 80. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2011. Lk. 2–6.

Jääts I. Filmikaamera Vepsamaal // Eesti etnograafiline film III. Vepslased. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2015.

Karm S. Transition Rituals in the Life of an Udmurt Girl/Maiden/Woman in the Late 19th to 20th Centuries. // *Pro Ethnologia* 17. Perceptions of Worldviews. Tartu: Eesti Rahva Muuseum. 2004. P. 49–70.

Karm S. Ajanihe: udmurdi noorte palvused 1993/2017. Eesti Rahva Muuseumi blogi 5.04.2018. URL: <https://blog.erm.ee/?p=11229> (11.05.2021).

Konksi Karin. Etnograafiamuuseumina Nõukogude Eestis 1957–1990 // Eesti Rahva Muuseumi 100 aastat. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2009. Lk. 250–355.

Lepp Lembit. Koostööst Aleksei Petersoniga // Muuseum. 2001. № 2 (11). Lk. 19.

Lintrop Aado. Udmurdi rahvausundi piirjooni. Tartu: Keele ja Kirjanduse Instituut, 1993.

Lintrop Aado. Tubjaku Kosterkini loitsud // Mäetagused. 1996. № 1–2.

Niglas Liivo, Toulouze Eva. Reconstructing the Past and the Present: The Ethnographic Films made by the Estonian National Museum (1961–1989) // Journal of Ethnography and Folkloristics. 2010. Vol 4. № 2. P. 77–96.

Niglas Liivo. Videokaameraga Siberis: vaatlev dokumentaalfilm kui audiovisuaalne etnograafia. Dissertationes ethnologiae Universitatis Tartuensis 12. (Juhendaja Art Leete). Tartu: Tartu Ülikooli kirjastus, 2020. 345 lk.

Peedumäe = Tiia Peedumäe ekspeditsiooni päevik // Karm, Svetlana; Marleen Nõmmela; Piret Koosa. Auasi. Eesti etnoloogide jälgedes. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2008. Lk. 36–38.

Runnel Pille. Etnograafilisusest Eesti filmides põhjarahvastest // Tartu visuaalse kultuuri päevad. Põhjamaade Antropoloogilise Filmi Assotsiatsiooni Filmifestival 10–16 maini. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2004. Lk. 106–115.

Siikala Anna-Leena. Kuuluvuspaigad: ajaloo taasloomine. // Mäetagused. 2004. № 26. Lk. 53–68. URL: <https://www.folklore.ee/tagused/nr26/siikala.pdf> (11.05.2021).

Simm Janno. Udmurdid ning Aleksei Petersoni museoloogiline kinematograafiamaastik // Eesti Rahva Muuseumi ajaveeb, 4.04.2013. URL: <https://blog.erm.ee/?p=1761> (11.05.2021).

Toulouze Eva. Eesti dokumentaalfilm Siberi rahvastest // Tartu visuaalse kultuuri päevad. Põhjamaade Antropoloogilise Filmi Assotsiatsiooni Filmifestival 10–16 maini. Tartu: Eesti Rahva Muuseum? 2004. Lk. 98–105.

Toulouze Eva, Liivo Niglas. Etnograafiline film Eestis 1960–80: Eesti Rahva Muuseumi filmitoodang // Pille Runnel (toim.). Worldfilm. Maailmafilm. Tartu visuaalse kultuuri festival 23–29 märtsini. Tartu Festival of Visual Culture March 23th – 29th. Tartu: Eesti Rahva Muuseum; Maailmafilmi Ühing? 2009. Lk. 102–104.

Поступила в редакцию 19.08.2021

Светлана Карм,

PhD (этнология), научный сотрудник Эстонского национального музея,
Eesti Rahva Muuseum, Muuseumi tee 2, 60532 Tartu, Estonia
e-mail: svetlana.karm@erm.ee

Алыбина Татьяна Ивановна,

PhD (этнология)
научный сотрудник Эстонского национального музея
Eesti Rahva Muuseum, Muuseumi tee 2, 60532 Tartu, Estonia
e-mail: oriole87@yandex.ru

S. Karm, T. Alybina

**FIELD RESEARCH AND VISUAL RECORDING OF RELIGIOUS PRACTICES
IN THE SOVIET PERIOD (CASE STUDY OF THE FILM
AND VIDEO ARCHIVES OF THE ESTONIAN NATIONAL MUSEUM)**

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-4-683-699

The article describes and analyzes film and video materials containing information on the topic of religious practices of the Finno-Ugric peoples in the Soviet period. The main sources of the research are archival audiovisual records created by the staff of the Estonian National Museum in the period from the 1960s to the early 1990 s, as well as field diaries of participants in the Finno-Ugric expeditions. This was the time when official atheism prevailed in the Soviet Union, the main blow of which was directed primarily at the churches.

At the same time, this was a period when open persecution of traditional rituals was not observed, and the study of the worldview aspects of the traditional culture of different ethnic groups was strongly encouraged by ethnology. On the basis of audiovisual materials, the article analyzes which fragments of the religious practices of the Finno-Ugric peoples are reflected in the museum archives, and which methods were used by researchers to record different rituals. Much attention is paid to building the relationship between the ethnologist and the bearer of the tradition in the field, as well as the special role of the local mediator in the study of religious rituals through a film or video camera. The considered examples of collecting audiovisual material confirm that in the Soviet period, in contrast to today's digital technologies and the usual practice of photographing and filming various (including sacred) events, researchers with a camera were not always welcomed at prayers. In the audiovisual study of religious rites, the process of adaptation to the environment of the culture under study and the effect of building a first impression acquired particular importance for ethnologists, largely related to the authority of the local mediator who brought them to prayers.

Keywords: Finno-Ugric peoples, religious rites, video archive, fieldwork, Estonian National Museum.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 4, pp. 683–699. In Russian.

REFERENCES

- Aleksandrov E. V.** Vmesto retsenzii. V poiskakh predmeta vizual'noi antropologii [Instead of a Review. In Search of the Subject of Visual Anthropology]. *Antropologicheskii forum* 7. 9–20. In Russian.
- Aleksandrov E. V.** Predystiriia vizual'noi antropologii: pervaiia polovina XX v. [Background to Visual Anthropology: First Half of the Twentieth Century]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2014. № 4. P. 127–140. In Russian.
- Aleksandrov E. V.** Rossiyskaya shinel' Asena Baliksi. In Memoriam [Asen Bakikci's Russian Overcoat. In Memoriam]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*. 2020. № 4. P. 60–88. In Russian.
- Alybina T.** Mari usukombed läbi kaamerasilma: Tiia Peedumäe välitööd Mari Vabariigis aastatel 1991–1992. [The religious traditions of the Mari people viewed through the camera lens: field work conducted by Tiia Peedumäe in the Mari El Republic in 1991–1992]. *Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat* 61. Tartu: Eesti Rahva Muuseum. 2018. P. 80–101. In Estonian.
- Anisimov N., Toulouze E.** Sovrenmennoye bytovaniye obryada Vos' nerge v d. Varkled-Bodya Agryzskogo rajona Pespubliki Tatarstan (po materialam ekspeditsii 2017 goda) [The contemporary practice of the ritual "Vös'nerge" in Varkled-Bodya (Agryz district, Republic of Tatarstan) (according to materials from a 2017 expedition)]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2018. Vol. 12. Issue 4. P. 101–114. In Russian.
- Arutyunov S. A.** Ot spokoinoi k uskol'zayushei material'noi kul'ture. O problemakh etnograficheskogo izucheniya material'noi kul'tury (intervyuu N. B. Bogatyr') [From the Still to a Fleeting Materiality: on the Issues in Ethnographic Study of Material Culture (Interview to N.V. Bogatyr)] *Etnograficheskoe obozrenie*. 2011. № 5. P. 5–19. In Russian.
- Astel Eevi.** Eesti Rahva Muuseum aastatel 1940–1957 [Estonian National Museum in 1940–1957] *Eesti Rahva Muuseumi 100 aastat*. Tartu: Eesti Rahva Muuseum. 2009. P. 186–247. In Estonian.
- Balikci, Acen.** *Ethnographic film and museums: a history, a programme*. Museum. 1985. Vol. XXXVII. 1. P. 16–24.
- Dobzhanskaya O. E.** Nganasanskie obryadovye pes'ni v ispolnenii naslednika shamana (k probleme imitatsii shamanskogo rituala) [Nganasan ritual songs performed by the heirs of the shaman (on the problem of imitating shamanic ritual)] *Epicheskie i dukhovnye praktiki v proshlom i nastoyashchem* [Epic heritage and spiritual practices in the past and at present: Collection of articles] / Editor V.I. Kharitonov. Moscow: Institute of Ethnography and Anthropology, Russian Academy of Sciences. 2013. P. 75–85. In Russian.
- Golovnev A. V.** O kinoantropologii [About Cinematic Anthropology]. *Antropologicheskii forum* 7. 2007. P. 21–32. In Russian.
- Golovnev A. V.** 2009. Antropologicheskoe kino i festival'noe dvizhenie [Anthropological Cinema and Festival Movement]. *Kulturologicheskie issledovaniya v Sibiri* 2009. № 4(30). P. 27–38. In Russian.
- Golovnev A. V.** 2016. "Lesnye liudi" – fenomen sovetskogo etnograficheskogo kino ["Forest People" – the Phenomenon of the Soviet Ethnographic Film]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2016. № 2. P. 81–91.

Jääts Indrek. Tagasivaade etnograafilise filmi sünniloole Eesti Rahva Muuseumis. Aleksei Petesoni 80. sünnipäeva puhul [Celebrating Aleksei Peterson's 80th Jubilee: looking Back on How the Ethnographic Film Came into Being in the Estonian National Museum]. *Eesti Etnograafiline film I. Kaks filmi eesti etnograafiast. Aleksei Peterson 80.* [Estonian Ethnographic Film I. Two Films on Estonian Ethnography. Aleksei Peterson 80]. Tartu: Eesti Rahva Muuseum. 2011. P. 2–22. In Estonian, English and Russian.

Jääts I. Filmikaamera Vepsamaal [To the Vepsians with a Film Camera]. *Eesti etnograafiline film III. Vepslased.* [Estonian Ethnographic Film III. The Vepsians] Tartu: Eesti Rahva Muuseum. 2015. In Estonian, English, Russian and Vepsian.

Karm Svetlana. Transition Rituals in the Life of an Udmurt Girl/Maiden/Woman in the Late 19th to 20th Centuries. *Pro Ethnologia 17. Perceptions of Worldviews.* 2004. P. 49–70. In English.

Karm S. Audiovisual'noje dokumentirovanije udmurtskikh religioznykh obryadov v sovetskoje vremya [Audiovisual documenting of the Udmurt religious rites in the times of the Soviet Union]. *Ezhгодnik finno-ugorskikh issledovaniï* [Yearbook of Finno-Ugric Studies] 2013. Vol. 1. P. 78–86. In Russian.

Karm S. Ajanihe: udmurdi noorte palvused 1993/2017 [Timeshift. The initiation ceremonies of the Udmurt 1993/2017]. *Estonian National Museum blog*, 5.04.2018. URL: <https://blog.erm.ee/?p=11229> (11.05.2021). In Estonian.

Karm S. Finno-ugorskii diskurs v estonskoi etnologii (na primere issledovaniya udmurtskoi kultury) [The Finno-Ugric discourse in Estonian ethnology (based on the example of Udmurt culture)]. *Dissertationes ethnologiae Universitatis Tartuensis 9. (Supervisor Art Leete).* Tartu: University of Tartu Press. 2019. 217 p. In Russian.

Konksi Karin. Etnograafiamuuseumina Nõukogude Eestis 1957–1990 [As an Ethnographic museum in Soviet Estonia 1957–1990] Eesti Rahva Muuseumi 100 aastat. Tartu: Eesti Rahva Muuseum. 2009. P. 250–355. In Estonian.

Lepp Lembit. Koostööst Aleksei Petersoniga [About cooperation with Alexey Peterson] Muuseum. 2001. № 2 (11). P. 19. In Estonian.

Lintrop Aado. Udmurdi rahvausundi piirjooni [Outlines of the Udmurt folk religion]. 1993. Tartu: Keele ja Kirjanduse Instituut. In Estonian.

Lintrop Aado. Tubjaku Kosterkini loitsud [Tubjaku Kosterkin's spells]. Mäetagused, 1996. 1–2. URL: <http://www.folklore.ee/tagused/nr1/loits.htm> (26.04.2021). In Estonian.

Lintrop Aado. Udmurdi usundi peamised tunnused 19. ja 20. sajandil. [The main features of the Udmurt religion in the 19th and 20th centuries]. *Doctoral dissertation, defended at the University of Tartu.* 2000. URL: <http://www.folklore.ee/~aado/rahvad/udu.htm> (11.05.2021).

Lintrop Aado 2003. *Udmurdi usund* [The Udmurt Religion]. Tartu: 2003. Eesti Rahva Muuseum. 256 p.

Malahova M. Y. IV Mezhdunarodnyi kinofestival vizualnoi antropologii. [IV International Film Festival of Visual Anthropology]. *Sovetskaya etnografia 1991.* Vol. 4. P. 171–174. In Russian.

Niglas Liivo, Toulouze Eva. Reconstructing the Past and the Present: The Ethnographic Films made by the Estonian National Museum (1961–1989). *Journal of Ethnography and Folkloristics.* 2010. Vol. 4. № 2. P. 77–96.

Niglas Liivo. Videokaamera Siberis: vaatlev dokumentaalfilm kui audiovisuaalne etnograafia. [In Siberia with a Camera: Observational Documentary as Audio-visual Ethnography]. *Dissertationes ethnologiae Universitatis Tartuensis 12. (Juhendaja Art Leete).* Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus. 2020. 345 p. In Estonian.

Peedumäe Tiia. Tiia Peedumäe ekspeditsiooni päevik [Tiia Peedumäe Fieldwork diary] Karm, Svetlana; Marleen Nõmmela; Piret Koosa. *Auasi. Eesti etnoloogide jälgedes / A Matter of Honour. In the footsteps of Estonian ethnologists.* Tartu: Eesti Rahva Muuseum. 2008. P. 36–38. In Estonian.

Runnel Pille. Etnograafilisusest Eesti filmides põhjarahvastest [Ethnographicity in the Estonian Documentaries on Northern peoples]. *Tartu visuaalse kultuuri päevad. Põhjamaade Antropoloogilise Filmi Assotsiatsiooni Filmifestival 10–16 maini.* / Tartu Visual Culture Days. Film Festival of Nordic Anthropological Film association May 10–16th 2004. Tartu: Eesti Rahva Muuseum. Tartu: Eesti Rahva Muuseum. 2004. P. 106–115. In Estonian and English.

Siikala Anna-Leena. Kuuluvuspaigad: ajaloo taasloomine. [Places of belonging: recreating history]. *Mäetagused* 26. 2004. 53–68. URL: <https://www.folklore.ee/tagused/nr26/siikala.pdf> (11.05.2021). In Estonian.

Simm Janno. Udmurdi ning Aleksei Petersoni museoloogiline kinematograafiamaastik [Udmurts and Alexei Peterson's Museological Cinematographic Landscape]. *Estonian National Museum blog*, 4.04.2013. URL: <https://blog.erm.ee/?p=1761> (11.05.2021). In Estonian.

Toulouze Eva. Eesti dokumentaalfilm Siberi rahvastest [Estonian documentary films on Siberian peoples]. *Tartu visuaalse kultuuri päevad. Põhjamaade Antropoloogilise Filmi Assotsiatsiooni Filmifestival 10–16 maini. / Tartu Visual Culture Days. Film Festival of Nordic Anthropological Film association May 10–16th 2004.* Tartu: 2004. Eesti Rahva Muuseum. P. 98–105. In Estonian and English.

Toulouze Eva, NiglasLiivo. Etnograafiline film Eestis 1960–80: Eesti Rahva Muuseumi filmitoodang [Ethnographical film in Estonia 1960–80: the films made by the Estonian National Museum]. Pille Runnel (ed.). *Worldfilm. Tartu Festival of Visual Culture March 23th – 29th.* Tartu: Eesti Rahva Muuseum; Maailmafilmi Ühing. 2009.P. 102–104/105–107. In Estonian and English.

Received 19.08.2021

Karm Svetlana,

PhD, researcher

Estonian National Museum,

2, Muuseumi tee, Tartu, 60532, Estonia,

e-mail: svetlana.karm@erm.ee

Alybina Tatiana Ivanovna,

PhD, researcher,

Estonian National Museum,

2, Muuseumi tee, Tartu, 60532, Estonia,

e-mail: oriole87@yandex.ru